

На правах рукописи

Кризская Татьяна Владимировна

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ К.Д. ВОРОБЬЕВА

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Курск – 2009

Работа выполнена
в Курском государственном университете

- Научный руководитель** – доктор филологических наук, профессор
Хроленко Александр Тимофеевич
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Алешина Людмила Васильевна
- кандидат филологических наук, доцент
Шувалова Ирина Евгеньевна
- Ведущая организация** – Воронежский государственный
университет

Защита состоится «15» мая 2009 г. в 10 часов на заседании
объединенного диссертационного совета ДМ 212.104.02
при Курском государственном университете
по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Курского государственного университета

Автореферат разослан « » апреля 2009 г.

Ученый секретарь объединенного
диссертационного совета

Климас И.С.

Исследование языка художников слова является важнейшим направлением языкознания, так как в языке воплощены и только в нем и через него могут быть постигнуты творчество писателя, его герои, темы, идеи и образы (В.В. Виноградов).

В рамках антропоцентрического направления в современной лингвистике изучение языка писателя предполагает обращение к личности творца. В связи с этим основополагающим понятием для исследователя является понятие «языковая личность». Для языковой личности характерно свое видение мира, определяемое индивидуальной языковой картиной мира, которая находит отражение в дискурсе.

Оптимальным объектом для исследования идиолекта художника слова является его лексикон, так как именно в лексике отражается языковой опыт носителя языка и ярче всего раскрываются особенности его мировосприятия.

Основой для исследования языковой личности писателя и его индивидуально-авторского видения мира являются активно разрабатывающиеся в последние десятилетия понятия концепта и концептосферы. Исследованию природы концепта посвящены работы Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, А.А. Григорьева, А.А. Залевской, В.И. Карасика, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, З.Д. Поповой, Ю.Е. Прохорова, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, Г.В. Токарева и др.

Изучение языка художников слова продолжает оставаться перспективным направлением современной лингвистики. Круг авторов, чье творческое наследие привлекает внимание языковедов, постоянно расширяется. Значительный вклад в изучение языка поэтов и писателей внесли Л.В. Алешина, Н.С. Ганцовская, М.А. Генкель, А.Л. Голованевский, В.С. Елистратов, В.П. Изотов, Г.Ф. Ковалев, А.В. Королькова, М.И. Сидоренко, В.К. Харченко, И.Е. Шувалова, Л.Г. Яцкевич и др. В последние годы возрос интерес исследователей-филологов к курскому художественному слову. К числу писателей, для которых источником творческой энергии явилась курская земля, несомненно, принадлежит Константин Дмитриевич Воробьев. Художественное наследие писателя попадает в поле зрения исследователей в 80-е – 90-е годы XX века. В это время выходят в свет многочисленные литературоведческие работы И. Дедкова, Е. Джичоевой, Д. Енишерлова, И. Золотусского, А. Кедровского, Н. Кузина, Л. Лавлинского, П. Сальникова, Ю. Томашевского и др. Однако исследования, посвященные изучению языка писателя, до недавнего времени не велись.

Актуальность предпринятого исследования определяется следующими факторами. Проза К.Д. Воробьева, получившая высокую оценку и признание в современной России (присуждение премии им. Сергея Радонежского в 1999 г., премии Александра Солженицына в 2000 г.), принад-

лежит к замечательным образцам русской литературы середины XX века. Несомненным достоинством произведений писателя является его язык, который только в наши дни становится предметом детального изучения. Отсутствие научных работ о языке К.Д. Воробьева определяет перспективность исследования индивидуальной языковой картины мира писателя.

Объектом исследования является лексикон художественных произведений К.Д. Воробьева, предметом – ядерная часть лексикона и его периферия, диалектные и просторечные лексические единицы, а также слова, номинирующие концептосферу «Цвет».

Базой эмпирического материала послужил словник художественной прозы К.Д. Воробьева, составленный нами на основе рассказов и повестей, вошедших в 3-томное собрание сочинений (Воробьев 1991). За пределами словника остались записные книжки, письма и дневники писателя. На основе печатных источников нами была создана электронная версия художественных произведений К.Д. Воробьева. Словник составлен с помощью программы компьютерной обработки текстов NewSlov и опубликован (Кризская 2006).

Цель работы – дать целостное представление о языке художественной прозы К.Д. Воробьева на уровне характеристики лексикона и языковой репрезентации одной из концептосфер, отражающей своеобразие авторского мировидения.

Цель исследования обусловила постановку и решение следующих задач:

- создать электронную версию корпуса художественных текстов К.Д. Воробьева;
- составить словник художественного дискурса К.Д. Воробьева в алфавитном и частотном вариантах;
- выявить и описать доминантную лексику художественной прозы К.Д. Воробьева;
- описать периферию лексикона художественной прозы К.Д. Воробьева (диалектную и просторечную лексику);
- выявить особенности языковой репрезентации концептосферы «Цвет» в художественном дискурсе К.Д. Воробьева.

Научная новизна работы заключается в том, что это первое монографическое исследование, посвященное изучению языка художественной прозы К.Д. Воробьева. В диссертации поднимаются вопросы, связанные с выявлением своеобразия индивидуально-авторской картины мира на примере анализа доминант лексикона писателя, диалектной и просторечной лексики, объективации концептов цвета.

Методы исследования. В работе используются традиционные лингвистические методы: описательный, таксономический и сопоставительный; методика количественного анализа, а также разработанные курскими учеными для описания фольклорного слова оригинальные методики лин-

гвокультурологического анализа, адаптированные к изучению авторских текстов (методика доминантного анализа, методика сжатия конкорданса).

Положения, выносимые на защиту.

1. Лексика художественной прозы К.Д. Воробьева в количественном и качественном отношении богата и многообразна и включает в себя литературный, диалектный и просторечный пласты.

2. Диалектная лексика в художественной речи писателя включает как лексику южновеликорусского, так и северновеликорусского наречий, что обусловлено особенностями жизненного и творческого пути К.Д. Воробьева.

3. Просторечная лексика в художественном дискурсе К.Д. Воробьева связана преимущественно с выражением социальных отношений.

4. Языковая репрезентация концептосферы «Цвет» отличается индивидуально-авторской спецификой, обусловленной особенностями конкретно-чувственного восприятия мира писателем.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что наблюдения и выводы, полученные в результате исследования лексической системы художественного дискурса отдельного автора, вносят вклад в разработку теории языковой личности и углубляют представление о художественном мастерстве К.Д. Воробьева.

Практическая ценность работы видится в том, что результаты диссертационного исследования могут найти применение в курсах по стилистике русского языка и культуре речи, лингвистическому анализу художественного текста, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных языку К.Д. Воробьева, в школьных учебных курсах при изучении творчества писателя, а также в лексикографической практике, в частности, при создании словаря художественной прозы К.Д. Воробьева.

Апробация материалов и результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования излагались в докладах на аспирантском семинаре при кафедре русского языка Курского государственного университета в 2005-2008 гг., в выступлениях на заседаниях летней научной школы «Курское слово» (2005–2008), на Международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные проблемы социально-правовых, медико-биологических и технико-экономических сфер жизни общества» (Курск, 2007), на Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием «Язык. Культура. Коммуникация» (Курск, 2008) и нашли отражение в девяти публикациях.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и словарей, библиографического списка и приложений. Текст изложен на 156 страницах рукописи.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы; определяются цель, задачи, объект и предмет исследования; характеризуются научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, база фактического материала работы и методы исследования; формулируются основные теоретические положения диссертации, выносимые на защиту.

В **первой главе** диссертации «**Своеобразие лексики художественной прозы К.Д. Воробьева**» дается количественная характеристика лексики художественной прозы писателя, представляется исследование доминантной лексики в сопоставлении с общеязыковым употреблением, а также анализируется состав периферийной лексики на материале диалектизмов и просторечия.

Статистические показатели, характеризующие лексикон художественной прозы К.Д. Воробьева, позволяют говорить о богатстве словаря писателя, проявляющемся в значительном объеме словника (24 511 лексем) и количестве словоупотреблений (333 897 с/у), а также в высоком показателе слов с единичной частотой употребления (41,4%).

Обращение к самой информативной части лексики – доминантной лексике – обнаруживает своеобразие авторского идиолекта. Частотное соотношение знаменательных доминант позволяет говорить о предметно-деятельностной основе словаря писателя.

Среди доминант предметного мира преобладают наименования человека в аспекте его социального статуса (*человек, люди; друг, товарищ, пленный, немец; тетка, дядя, мать, отец, дед; курсант, капитан, матрос, командир, лейтенант*). Немаловажно внимание писателя к сфере эмоций человека, высокоупотребительны лексемы *радость, обида*. Специфику ядра лексики К.Д. Воробьева определяет значительное количество имен мемброфактов (*рука, глаз, нога, голова, лицо, сердце, плечо, палец, спина, колено, тело, рот, ладонь*). Наименования неживого мира приобретают значимость в показе пространственно-временного плана изображаемой действительности (*место, сторона, лес, дорога, село, поле, речка, выгон; день, время; хата, лагерь*).

В системе доминант процессуального мира преобладают глаголы восприятия (*видеть, глядеть, увидеть, смотреть, взглянуть, заметить, посмотреть*), значимыми являются глаголы эмоций (*бояться, любить, засмеяться*). Признаковый мир представлен качественными прилагательными, его специфичность определяется высокой употребительностью колоративов (*белый, черный, красный, желтый*). Среди наречных модификаторов важное место занимают модификаторы времени, индивидуально частотными у К. Д. Воробьева являются лексемы *долго, давно, никогда*. Особенностью идиолекта писателя является разнообразие лексем с конкретной

семантикой (*долго, вдруг, молча, домой, тихо, трудно, просто, вместе, легко, медленно*). Своеобразны в лексиконе писателя и ядерные имена числительные (*один, два, три, первый, второй, пять, несколько, четыре, третий, двадцать, десять*).

Самобытность языка произведений К.Д. Воробьева раскрывается в использовании нелитературных средств – диалектизмов и просторечия. Мастерство писателя состоит в умении объединить две языковые стихии: литературно-письменный язык и живую народно-разговорную речь – и во многом определяется искусным использованием экспрессивного потенциала просторечного слова и бережным отношением к диалектному слову как исторической базе национальной культуры.

Использование в текстах художественных произведений элементов живой народной речи является одной из ярких индивидуальных особенностей идиостиля К.Д. Воробьева.

В лексиконе писателя просторечие значительно превосходит диалектизмы как по количеству лексем, так и по частоте словоупотребления. В перечне высокочастотных диалектизмов находятся лексемы *клуня, бурак, закута, кошель, тятя, копань, рушник, повесть, попонка, курень*; среди просторечия – *мужик, баба, сволочь, баланда, девка, братва, доходяга, брехать, кликать, портки*. Особенностью частеречного соотношения проанализированных лексем является преобладание глаголов в просторечной лексике.

Диалектное слово у К.Д. Воробьева имеет сюжетную обусловленность и используется с целью описать труд и быт крестьянского населения, дать речевую характеристику персонажа, однако живое народное слово, введенное писателем в художественную речь, – это еще и отражение национального самосознания автора.

В диссертации анализируется состав диалектной лексики с точки зрения территориальной принадлежности. Диалектный материал в дискурсе К.Д. Воробьева представлен лексикой южновеликорусского и северновеликорусского наречий, междиалектной лексикой, а также группой слов, употребляющихся исключительно в курских говорах.

В художественном языке писателя самый мощный пласт образует лексика южновеликорусского наречия (*варок, гамазея, клуня, копань, крыга, кухлик, повесть* и др.). Включение диалектизмов в контекст повествования в первую очередь задается тематикой художественного произведения. Значительное место в творчестве К.Д. Воробьева занимают повести и рассказы о жизни русской послереволюционной деревни, в которых в большей степени обнаруживается мастерство писателя в искусном, свободном использовании диалектного материала. Описание быта и труда крестьянского населения деревень юга России предопределяет органичность в художественной прозе К.Д. Воробьева лексики южновеликорусского наречия. Именно она помогает писателю в создании местного колорита, служит

средством стилизации речи персонажей. Некоторые южновеликорусские лексемы используются К.Д. Воробьевым как средство создания образности, художественной выразительности. Так, например, лексема *поветь* в значении ‘соломенная крыша сарая’ [СРНГ: 27: 236] употребляется писателем не только в прямом значении, но и в переносном: *Она была по-деревенски низко покрыта темным широким платком в белую горошину, и под его поветью светились чистые, печально-прощающие кого-то глаза, полные горькой мудрости и усталости* («Вот пришел великан»). Лексема *синель*, встречающаяся в одноименном рассказе К.Д. Воробьева, включена автором в состав сравнительного оборота, чтобы подчеркнуть яркую деталь внешности героини рассказа: *В нашем краю васильки были цветами, и назывались они синелью. <...> Дарья – девочка в красном платке – к концу дня набирала целый огненный сноп одуванчиков, и рядом с ним ее глаза цвели синелью...*

В меньшей степени писателем употребляются слова северновеликорусского наречия (*бластиться, веря, куржак* и др.).

Особую роль в языке К.Д. Воробьева играет курское слово, оно выступает свидетельством глубокой исторической памяти писателя. К числу курских относим лексему *блескучий* [СРНГ: 3: 19], употребляемую писателем в значении ‘блестящий’: *Мне нельзя было миновать бывшую сторожку, и на ее крыльце я увидел большой ворох чего-то блестячего, как огонь* («Друг мой Момич»). Словом *гречаники* [СРНГ: 7: 136] в Курской губернии называли хлеб из гречневой муки. Лексема *мокрида* в словаре русских народных говоров зафиксирована в трех значениях, одно из которых – ‘обливание друг друга в суеверных обрядах водой во время засухи, для того чтобы пошел дождь’ [СРНГ: 18: 209]. Именно в этом значении слово *мокрида* употребляется в курских говорах и у К.Д. Воробьева в повести «Сказание о моем ровеснике»: *...По скотному проулку от реки неслась ватага парней и девок, вооруженных ведрами, деревянными лоханками и кадками. «Мокриду делают... Обольют...», – смекнул Матвей Егорович и, пригнувшись, надал ходу. Курской по происхождению является и лексема *отлыжка* [СРНГ: 24: 233], так в Обоянском уезде Курской губернии называли оттепель: *С утра тридцатиградусный мороз сменялся под вечер туманной отлыжкой и снегопадом, а утром вновь огнисто сверкала стужа* («Друг мой Момич»). Сохранение самобытности лексики курских говоров в языке К.Д. Воробьева, прожившего большую часть своей жизни вдали от родины, но сохранившего с ней духовную связь, свидетельствует о глубоком чувстве «родства с Курской землей, ее историей и природой» (А. Кедровский).*

В прозе К.Д. Воробьева используется и междиалектная лексика (*граченята, дежка, закута* и др.), использование которой позволяет в большей степени реализовывать требование доступности, понятности текста (И.Б. Голуб), однако соотношение территориально закрепленной (67,8%) и

междialeктной лексики (32,2%) в художественном дискурсе К.Д. Воробьева свидетельствует о выходе писателя за рамки стандартного использования диалектизмов.

Тематическая классификация диалектного материала позволила выявить доминирующие и периферийные группы лексики. В значительном объеме представлены в лексиконе писателя диалектные наименования предметов домашнего обихода (*кошель, махотка, навильник, рушник, понка, пральник*) и наименования растений (*бурак, кавун, калачник, синель*), высокоупотребительны наименования построек (*закута, клуня, курень, поветь, пунька*). Менее употребительными в художественной речи К.Д. Воробьева являются диалектизмы, входящие в группы «элементы ландшафта» (*копань, околос, бочаг*), «метеорологические явления» (*вишай, кура, куржак*), «наименования животных» (*одёр, трус, ховрашок*), «наименования частей человеческого тела» (*жменя, заскулье*), «еда, напитки» (*кулеи, пряженец, чибрик*), «наименования человека по социальному статусу» (*детва, примак, тятя*).

Пласт просторечной лексики рассматривается в работе с точки зрения степени экспрессивности номинации, подвергается лексико-тематической классификации и сопоставительному анализу с диалектной лексикой.

Образная система произведений К.Д. Воробьева обогащается введением в текст элементов просторечия от нейтральных до грубопросторечных в соответствии с художественной ситуацией. В составе просторечной лексики нами выделено значительно меньшее по сравнению с диалектной количество тематических групп. Свойственная просторечию антропонимическая направленность выводит в состав доминирующей лексики наименования человека по социальному статусу. Экспрессивы данной группы разделены на несколько подгрупп в зависимости от того, по каким основаниям происходит снижение социального статуса человека: 1) «номинация лиц по качествам характера или особенностям поведения» (*сволочь, гад, сукин (сын), подлюга, зараза, змеюка, сволота, стервец, архаровец, балабон, куркуль, хлюст, шельма*); 2) «по привычкам или наклонностям» (*задавака, блудня, забулдыга, побирюшка, выпивоха, стукач*); 3) «по полу и возрасту» (*мужик, баба, девка, пацан, дитенок, шкет, хрыч, дитё, пацаненок*); 4) «по степени родства» (*приблуд, мамка, братуха, племяш, приблудница*); 5) «по интеллектуальным способностям» (*дурачьё, дурашный, дурила, оболтус, придурок*); 6) «по психическим особенностям» (*миляга, зануда, псих, хлюпик*). Наименования человека по социальному статусу – самая разнообразная и употребительная группа просторечной лексики в прозе К.Д. Воробьева. Значительное преобладание экспрессивов данной лексико-тематической группы отражает общеязыковую тенденцию: «в обширном лексико-семантическом поле просторечия подавляющее большинство номинаций непосредственно называют человека либо харак-

теризующие его или воспринимаемые им признаки, а также антропонимически ориентированные акции и эмоциональные состояния» (В.В. Химик). В составе просторечной лексики нами также выделены группы «наименования частей человеческого тела» (*морда, рожка, лобастый, волосня, хлебалка; пузатый, пузо, нутро, шкура, хребет*) и «еда, напитки, их потребление» (*баланда, пайка, картоха, варево; первак, магарыч; жрать, лузгать, лопать, нахрюкаться, облопаться, похмелиться*).

Во второй главе «Репрезентация концептосферы «Цвет» в художественном дискурсе К.Д. Воробьева» рассматриваются особенности вербализации авторской концептосферы «Цвет».

Цветовые обозначения, являясь одним из средств художественной выразительности и стилистического своеобразия авторских текстов, определяют специфику художественной картины мира писателя. В аспекте антропоцентрической сущности языка исследование особенностей применения цвета отдельными авторами «дает возможность увидеть уникальность языка как средоточие духовного опыта индивидуума» (О.А. Мещерякова).

Специфика анализируемого пласта лексики заключается в том, что, с одной стороны, слова со значением цвета легко вычлениваются в лексической системе языка, с другой стороны – «система цветовых обозначений наименее упорядочена из всех лексико-семантических групп» (Т.А. Михайлова). Дифференциальными признаками, которые позволяют выделять цветовые обозначения, являются, по мнению Р.М. Фрумкиной, А.П. Василевича и других исследователей, тон, насыщенность и яркость, однако в лингвистике не существует системного описания цветоименований, которые «представляют собой открытое множество» (А.П. Василевич).

В работе предпринята попытка классификации цветовых обозначений в соответствии с дефинициями, предлагаемыми толковыми словарями, в частности, четырехтомным Словарем русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (1981 – 1984). В авторской концептосфере К.Д. Воробьева мы выделяем концепты ахроматических цветов (*белый, черный, серый*) и концепты хроматических цветов, в число которых входят: концепты основных монохроматических цветов спектра и их оттенков (*красный, желтый, зеленый, синий*), концепты сложных цветов (*сизый, коричневый, бурый* и т.п.), в семантике которых имеется указание на смешение оттенков, относящихся к разным концептам. В особую группу мы выделяем составные цвета (*бело-розовый, желто-малиновый, сине-зеленый* и т.п.).

Состав цветоименований в художественном дискурсе К.Д. Воробьева с точки зрения частеречной принадлежности показывает характерное для колоративной лексики преобладание имен прилагательных, на втором месте находятся глаголы, количество наречий и имен существительных совпадает, однако последние преобладают по числу словоупотреблений.

Частота словоупотребления цветолексем в художественном дискурсе К.Д. Воробьева колеблется от 1 до 283. «Верхние» позиции занимают ядерные лексемы базовых концептов, выделяемых в узусе, однако их ранговые позиции не совпадают с общеязыковыми тенденциями. Особенностью колоратики К.Д. Воробьева является значительное преобладание белого цвета над черным, высокие ранговые позиции желтого и серого цветов, которым уступают синий, голубой и зеленый.

Для характеристики идиостиля автора не менее важны и единичные цветоименования, составляющие периферию концептосферы и свидетельствующие об уникальности цветовой палитры художника слова. В художественном дискурсе К.Д. Воробьева лексемы с частотой 1 составляют 72,7% от общего количества слов со значением цвета.

Специфика авторской концептосферы цвета выявляется и при обращении к колоративам-композитам. В художественном языке К.Д. Воробьева на долю сложных цветоименований приходится 57,3 % от общего списка. Такие словообразовательные модели «способствуют цветовой детализации конкретных предметов, <...> создают выразительную цветовую картину» художественного текста (М.А. Бобунова).

Среди сложных цветоименований представлены классы дихромных и оттеночных колоративов, ассоциативные композиты (*миисто-зеленый, сахарно-белый, дегтярно-черный* и т.п.), отмечены случаи включения в цветоименование какого-либо другого признака объекта (*крапинно-серенький, пыльно-золотистый* и т.п.), использования метафоры (*буднично-серый, слепо-черный* и т.п.).

В диссертации подробно охарактеризован состав лексем, репрезентирующих концепты цвета, проанализированы сочетаемостные возможности ядерных и периферийных лексем, установлена взаимосвязь концептов цвета с другими концептами авторской концептосферы.

Структура главы обусловливается функционально-семантической характеристикой наименований ахроматических, затем монохроматических цветов. Последовательность анализа концептов цвета определяется рангом ядерной лексемы, репрезентирующей концепт.

Концепт «белый цвет» в художественном дискурсе К.Д. Воробьева находит воплощение в 33 лексемах различной частеречной принадлежности (*белый, беловатый, беленький, белесый, белесоватый, жемчужный, молочный; белесость; белеть, побелеть, побелить, белиться; добела* и др.). Ядром концепта выступает лексема *белый*, которая является самой частотной и занимает первую ранговую позицию в списке колоративных прилагательных.

Круг существительных, определяемых прилагательным *белый*, широк и разнообразен. Самую многочисленную группу составляют имена артефактов, среди которых частотными являются лексемы *платок* и *рубаха*, являющиеся наименованиями одежды крестьян. Белое, как правило, наде-

валось жителями села в праздники или по особым торжественным случаям. У К.Д. Воробьева в *белом* платке почти всегда старушка, в *белой* рубашке – старик. Как некую идеализацию крестьянского труда можно рассматривать белый цвет в одежде жителей села, работающих в поле. С белым цветом связан у К.Д. Воробьева вынесенный из детства образ родного дома, родного села. *Белая хата, белая печка* – те вечные образы, крошечные мозаичные картинки, которые хранит в себе память детства. Для многих персонажей К.Д. Воробьева, возвращающихся спустя много лет на свою малую родину, самые трогательные переживания связаны именно со встречей с ними.

Самая частотная в ряду имен натурфактов – лексема *свет*, встречающаяся в составе устойчивого выражения *белый свет*: *вокруг белого света, все на белом свете, жить на белом свете, на краю белого света* и др. В характеристике природных явлений и объектов белый цвет ассоциируется в сознании писателя чаще всего с цветом облаков, тумана, бушующих весенних вод. В группе наименований бестиафактов самую высокую частотность имеет лексема *лошадь*. В рассказе «Настя» белая лошадь с жеребенком – олицетворение материнства и красоты, она вызывает наивно-трогательный интерес у пятилетней девочки Насти. По-иному воспринимается белая масть лошади в повести «Крик». В одном из эпизодов *белая лошадь*, растерзанная голодными пленными, – резкий контраст, разрушающий гармонию образа.

Широко представлена группа фитонимов, определяемых белым цветом. В ряде контекстов возникают оценочные ассоциации лексемы *белый*: радостные, светлые чувства вызывает любование писателя непорочно-девственной белизной русских берез и цветущими садами.

Особенно важен писателю белый цвет в передаче психологического состояния человека – испуга, ужаса. Индивидуально частотной у К.Д. Воробьева является лексема *глаз*, в сочетании с которой колоратив *белый* приобретает экспрессивно-семантическое осложнение значения. *Белые* глаза, в страхе расширенные настолько, что в них теряются зрачки, передают состояние человека, граничащее с безумием.

Содержание концепта «*белый цвет*» обогащают многочисленные лексемы-композиции. Среди ассоциативных композиций, имеющих в составе одну цветовую часть, обнаруживаем лексемы, в которых использовано сходство с предметами, имеющими характерную белую окраску различных оттенков: *бумажно-белый, гипсово-белый, кипенно-белый, кружевно-белый, сахарно-белый, сахарно-бело*. К индивидуально-авторским образованиям относим композиции *белесо-льдыстый, бело-жаркий, бурунно-белый*.

Анализ синтагматических связей лексем, репрезентирующих концепт, позволил установить взаимосвязь концепта «*белый цвет*» с концептами «*родина*», «*детство*», «*эмоции*», «*природа*», «*материнство*».

Концепт *«черный цвет»* репрезентируется 17 лексемами (*черный, чернявый, смоляной; чернота; чернеть, зачернеть, очернить; черно* и др.). Ядром вербализации концепта является лексема *черный*, занимающая вторую ранговую позицию по частоте употребления среди наименований цвета. Анализ синтагматических связей лексемы *черный* показал, что повышенной частотностью отличается лексема *глаз*. Глаза – самая примечательная деталь внешности человека. Сочетание *черные глаза* у К.Д. Воробьева в большинстве случаев сопровождается эмоционально-окрашенными эпитетами: *озорно косящие; острые; грустные; непомерно большие и сухие; тревожные и большие; круглые и веселые; круглые, просящие участия; сиротские; обезволивающие*. Частотно сочетание *черная борода*. В повести «Друг мой Момич» К.Д. Воробьев создает образ зажиточного мужика-крестьянина Момича. Черный цвет в описании внешности персонажа не только яркая колористическая характеристика: *По проулку к реке большой-большой мужик ведет в поводу жеребца. ... Жеребец черный, как сажка, и сам мужик тоже черный – борода, непокрытая голова, глаза. Белые у него только рубаха и зубы. Это сосед наш Мотякин Максим Евграфович – Момич по-уличному*. «Черный» мужик характеризуется еще и как *большой-большой*, возникает образ физически сильного, степенного человека. Так, у прилагательного *черный* возникает положительная коннотация ‘сильный, прочный, благополучный’.

Разнообразна группа имен артефактов, в сочетании с которыми лексема *черный* не всегда определяет лишь цветовые свойства предметов. Семантическое осложнение колоратива особенно заметно в военных повестях и рассказах К.Д. Воробьева, где прилагательное *черный* осложняется семей ‘злое, враждебное’. В зловеще черных красках предстает в сознании писателя все, что связано с фашизмом.

В ряду имен натурфактов как черные определяются природные реалии ‘очень темные, сумрачные’ либо имеющие ‘непроницаемо густой, темный цвет’: небо, ночь, дым. Самым частотным является сочетание *черная земля (пласт земли)*. Здесь у К.Д. Воробьева черный цвет соотнесен с цветом родной курской земли: *... дядя Тимофей, встав за плугом, ни с того ни с сего истово перекрестился, многие из баб отчего-то заплакали, а я нагнулся к земле – в наших краях она особенная: черная, как сажка, и такая мягкая, пахучая, родимая («Живая душа»).*

Состав лексем-композиций, вербализующих концепт *«черный цвет»*, интересен тем, что в большинстве своем это индивидуально-авторские образования. В числе ассоциативных композиций – синонимичные лексемы *дегтисто-черный* и *дегтярно-черный*, а также сложения *колюче-черный, рогато-черный, слепо-черный*. Образное наименование черного цвета *смоляной* использовано К.Д. Воробьевым в описании внешности крестьянина и ассоциативно связано с представлением о природном естестве.

Концепт «*черный цвет*» в художественном дискурсе К.Д. Воробьева выполняет важную функцию. Особенностью является использование черного цвета в изображении внешности человека, при этом формируются положительные коннотации цвета. Отрицательная символика черного цвета ярко выступает во взаимосвязи с концептом «*война*». Анализ сочетаемостных возможностей лексем-репрезентантов указывает на связь концепта «*черный цвет*» с концептами «*человек*», «*война*», «*природа*».

Концепт «*серый цвет*» вербализуется 21 лексемой (*серый, серенький, серебряный, землистый, пепельный; серость; сереть; серо* и др.) Ядром концепта является лексема *серый*. В характеристике лексемы *серый* показательной является пятая ранговая позиция ахроматизма в ряду доминант-колоративов. В сочетании с лексемой *серый* наиболее широко представлена группа имен артефактов. Самой частотной оказывается лексема *бумага*, характеризующаяся как материал низкого качества. Как серые писателем определяются предметы из дерева, потерявшие от времени свою естественную окраску. В военных повестях лексема *серый* употребляется в составе перифрастических выражений, замещающих слово *хлеб*: *Одиннадцать человек сверлили глазами этот жалкий бугорок **серой** массы; Подходившая шеренга в четыре человека получала из рук «полицая» **серый** кирпичик <...> («Это мы, Господи!..»)*. В группе наименований одежды серый цвет у К.Д. Воробьева связан с цветом военного обмундирования: в серые одежды «облачены» оказавшиеся в фашистском плену люди.

В ряду имен натурфактов встречаем наименования продуктов горения (*пепел, прах, след дыма*). Присутствуют лексемы, в сочетании с которыми *серый* реализует значение ‘пасмурный, облачный’ (*небо, погода*). Серый цвет выступает, как правило, объективным признаком оперения птиц или масти животных, среди которых писателем названы *воробей, конь, скворец*.

Значительное количество слов, определяемых прилагательным *серый*, относится к классу «Человек». Индивидуально-авторская специфика использования серого цвета обнаруживается в характеристике человека как существа социального в произведениях о плене: *серая масса пленных, серая толпа*. Прилагательное *серый* называет объективный признак – серый цвет одежды военнопленных, однако граница между семантикой цвета и семантикой оценки в данном случае диффузна. В определении человека лексема *серый* содержит сему ‘обезличенный, лишенный индивидуальности’; создается представление о пленном человеке как об униженном рабским положением, не выделяющемся из массы, неприметном существе.

Для номинации разнообразных цветовых нюансов серого цвета писатель активно использует оттеночные и ассоциативные лексем-композиции. Чаще у К.Д. Воробьева детализируются темные оттенки серого цвета: *грязно-серый, землисто-серый, серо-темный, чугунно-серый*. В авторских сложениях *меркло-серый, буднично-серый* модифицирующий ком-

понент реализует коннотативную сему 'унылый'. Актуализируются различные ассоциации серого цвета: *дымно-серый*, *серо-пыльный*, *серотестяной*. Среди образных номинаций частотна лексема *серебряный*, обогащающая концепт «серый цвет» представлением о красивом, ценном. Лексема *пепельный*, будучи включенной в описание цвета лица пленного, оказывается связанной с представлением о смерти: *дергался замечтавшийся смертник, вскакивал на ноги, стягивал ворот посконной нательной рубахи до хрипоты, до пепельного налета на лице* («Это мы, Господи!..»).

В художественной прозе К.Д. Воробьева отмечается взаимосвязь концепта «серый цвет» с концептом «плен».

Концепт «красный цвет» объективируется 61 лексемой с корнями *-ал-, -багр-, -бордов-, -красн-, малин-, пунцов-, -розов-, рде-*. Ядром концепта «красный цвет» выступает лексема *красный*, занимающая третью ранговую позицию по употребительности среди доминант-колоративов в художественном дискурсе К.Д. Воробьева.

Анализ сочетаемостных возможностей прилагательного *красный* показал, что лексема частотна в подчеркивании писателем цвета одежды, чаще ее деталей: *красный гарус, красный платок*. Частотны сочетания лексемы *красный* с наименованиями элементов построек из красного кирпича или окрашенных в красный цвет: *красного кирпича стена, красный дощатый пол, красная крыша лавки, красная труба*. Дважды встречается у К.Д. Воробьева устойчивое сочетание *красный угол*, в котором лексема *красный* реализует устаревшее значение 'парадный, почетный'.

В группе имен артефактов присутствуют существительные, определяемые как красные с целью использования яркости колоратива для обозначения чего-либо приметного или выделяющегося из ряда однородных предметов (*красный кран, красный провод*). В повестях о детстве с красным цветом связаны представления писателя о празднике Пасхи и его неперменном атрибуте – окрашенных в красный цвет яиц.

Частотной является лексема *рука*. Писателем подчеркивается цвет кожи рук, покрасневших от прилива крови или от мороза. Сочетание *красные руки* сопровождается эмоционально-окрашенными эпитетами: *мясистые, опухшие, прозрачные*.

Участок цветовой картины мира, представленный концептом «красный цвет», разнообразен. Среди лексем, репрезентирующих концепт, повышенной частотностью отличаются лексемы *розовый* и *малиновый*. В составе прилагательных, передающих оттенки красного цвета, фиксируются лексемы с корнем *багровый* и *багряный*. Предпочтительнее для писателя оказывается лексема *багровый*, однако оба слова имеют не только цветочное значение, но и содержат эмоциональную сему 'мрачное, тревожное'. Багровый цвет во внешности человека вызывает отрицательные психологические ассоциации. Более нейтральным в выражении эмоций для писателя является пунцовый цвет, который передает чувство стыда, смущение. У

ярких оттенков красного цвета формируются положительные коннотации. Так, *рдяное* заходящее солнце ассоциируется с чем-то радостно-веселым. Прилагательное *кумачный* связано у писателя исключительно с цветом ткани (*кумачная лента, перина, рубаха*) и имеет оттенок праздничности. Специфичность цветоощущений писателя ярко проявляется в использовании лексем-композиций, составляющих периферию концепта и встречающихся только в единичном словоупотреблении. Степень проявления цветового признака может передаваться у К.Д. Воробьева с помощью таких компонентов, которые нетрадиционны в узуальном употреблении: *<малиново>-жаркий*, *пронзительно-<малиновый>*, *рьяно-<красный>*, *<красновато>-дымный*, *дымно-<багровый>*, *<румяно>-красивый*, *зябко-<красный>*, *томлено-<розовый>*. Примечательным явлением в цветовой палитре К.Д. Воробьева можно считать случаи соединения двух компонентов с семантикой красного цвета: *крово-красный*, *крово-огненный*, *малиново-рдяный*, *медно-малиновый*, *рдяно-багряный*, *пламенно-кумачный*.

Концепт «*красный цвет*» обнаруживает как положительную, так и отрицательную оценочность в зависимости от тематики произведения, и взаимосвязан с концептами «*детство*», «*любовь*», «*эмоции*», «*природа*», «*агрессия*».

Концепт «*желтый цвет*» в художественном дискурсе К.Д. Воробьева представлен 27 лексемами (*желтый, золотой, золоти-стый, янтарный, соломенный; желтизна; желтеть, пожелтеть; золоти-сто*). Ядро концепта образует лексема *желтый*, которая в ранговом отношении среди других цветообозначений занимает четвертую позицию. Высокая частотность лексемы *желтый* является одной из особенностей колоратики прозы писателя, поскольку желтый цвет не является приоритетным в общеязыковом употреблении, малоупотребителен в памятниках древнерусской литературы, сравнительно редко используется и в русском фольклоре. Прилагательное *желтый* в прозе К.Д. Воробьева имеет неограниченную сочетаемость, среди определяемых им имен существительных отсутствуют высокочастотные лексемы, за счет чего расширяется диапазон сочетаемостных возможностей колоратива.

В большинстве случаев прилагательное *желтый* обозначает что-либо живое, радостное, благодатное. Желтым цветом у К.Д. Воробьева может быть подчеркнут цвет природных объектов: цвет дыма, огня, песка и глины, потерявшего свою свежесть снега, цвет звезд. Разнообразна группа имен артефактов, среди которых чаще всего встречаются наименования одежды, частей помещения, еды и напитков. Однако нередко желтый цвет используется писателем и в качестве негативной колористической характеристики. Особо значима роль желтого цвета в произведениях военной тематики, где прилагательное обнаруживает значение крайней непривлекательности: *Посреди бесстенного навеса стояли две ванны, наполненные чем-то желтым, жидким. Это и была баланда, сваренная из костной му-*

ки; Это – быль и явь, это – неумолимая правда, как вот эти *желтые цементные стены и стальные двери камеры!* («Это мы, Господи!..»).

Желтый цвет у К.Д. Воробьева выступает объективным признаком окраски некоторых представителей животного мира (*гусенята, лещ, муравьи*). Среди наименований растений писатель упоминает цветущие травы российских лугов, желтые сережки деревьев, созревающие в полях хлеба.

Показательна сочетаемость лексемы *желтый* с существительными, обозначающими части человеческого тела. Желтый цвет преимущественно характеризует цвет кожи человека и всего один раз – цвет волос.

Для передачи различных оттенков желтого писателем используются образные номинации, при этом предпочтительнее оказываются лексемы *золотой* и *золотистый*. Желтый цвет у К.Д. Воробьева, воплощенный в лексемах-композициях, передает сложнейшую гамму оттенков: *гнойно-желтый, свечно-желтый, ярко-желтый, пожарно-желтый, сияюще-желтый, золотисто-желтый*. Специфичны индивидуально-авторские цветоощущения, в которых одновременно совмещается признак блеска и тусклости: *пыльно-золотистый, песочно-золотой*.

Концепт «*желтый цвет*» является одним из важнейших в художественном дискурсе К.Д. Воробьева, что выражает специфичность концептуальной картины мира писателя. Отмечается взаимосвязь концепта «*желтый цвет*» с концептами «*природа*», «*человек*», «*плен*», «*еда*».

В диссертации аналогичным образом охарактеризованы концепты «синий цвет» (44 лексемы) и «зеленый цвет» (20 лексем). Проведенный анализ позволил установить, что концепт «*синий цвет*» (*синий, голубой, лазурный, бирюзовый, васильковый; голубизна, синева, синь, голубень, лазурность; синеть, голубеть; лазурно, сине* и др.) ярко представлен через детализацию внешности человека; концепт «*зеленый цвет*» (*зеленый, изумрудный, смарагдовый, защитный, травяной; зелень; зеленеть, позеленеть* и др.) в прозе К.Д. Воробьева взаимосвязан с концептами «*природа*», «*родина*».

В лингвоцветовой палитре К.Д. Воробьева заметную роль играют слова, обозначающие сложные цвета. Концепты сложных цветов репрезентируются в художественном дискурсе писателя 34 лексемами, наиболее значимыми для К.Д. Воробьева оказываются сизый и рыжий цвета, занимающие доминирующее положение.

Проведенное исследование не только демонстрирует мастерство словесной живописи писателя, языковое новаторство в передаче тонов и оттенков, но и позволяет признать, что цветовое слово у К.Д. Воробьева выступает чрезвычайно важным средством эстетического воздействия, являет собой художественное воплощение авторской концептосферы, отражающей индивидуальность мировидения писателя.

В заключении подводятся итоги проведенной работы, делаются общие выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы

1) в рецензируемых научных изданиях:

Кризская, Т.В. Желтый в художественном дискурсе К.Д. Воробьева / Т.В. Кризская // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – № 27. – С. 141-144.

2) в других изданиях:

Кризская, Т.В. Своеобразие военной лексики в повестях К.Д. Воробьева / Т.В. Кризская // Курское слово. Вып. 2. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – С. 71-74.

Кризская, Т.В. Лексика художественной прозы К.Д. Воробьева: Словник / Т.В. Кризская. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 220 с.

Кризская, Т.В. Репрезентация авторского видения мира в словнике произведений К. Воробьева о войне и детстве / Т.В. Кризская // Курское слово. Вып. 3. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – С. 80-84.

Кризская, Т.В. Диалектная лексика в прозе К.Д. Воробьева / Т.В. Кризская // Курское слово. Вып. 4. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – С. 54-63.

Кризская, Т.В. Лексика курских говоров в прозе К.Д. Воробьева / Т.В. Кризская // Теоретические и прикладные проблемы социально-правовых, медико-биологических и технико-экономических сфер жизни общества : сб. материалов Международной научно-практической конференции. – Курск, 2007. – С. 522-525.

Кризская, Т.В. Своеобразие лексикона художественной прозы К.Д. Воробьева / Т.В. Кризская // Язык. Культура. Коммуникация : сб. материалов Всероссийской научно-практической электронной конференции. – Курск : Изд-во Курск. гос. мед. ун-та, 2007. – С. 59-64.

Кризская, Т.В. Экспрессивно-семантическое осложнение лексемы черный в прозе К.Д. Воробьева / Т.В. Кризская // Язык. Культура. Коммуникация : сб. материалов Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием. – Курск : Изд-во Курск. гос. мед. ун-та, 2008. – С. 144-148.

Кризская, Т.В. Концепт «красный цвет» в лингвоцветовой палитре К.Д. Воробьева / Т.В. Кризская // Курское слово. Вып. 5. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – С. 35-41.

Кризская Татьяна Владимировна

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ К.Д. ВОРОБЬЕВА

Автореферат

Подписано в печать 02.04.2009 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 100. Заказ №_____

Издательство Курского госуниверситета
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Отпечатано в лаборатории информационно-методического
обеспечения КГУ